alenamarso

Академия разбитых сердец

18+

Alena Marso

Академия разбитых сердец

https://litres.ru/74653857
SelfPub; 2026

Аннотация

Рейвен Картер не привыкла играть по чужим правилам. Кай Хейс - не привык проигрывать.

Между ними с первой встречи вспыхивает взаимная неприязнь. Он заключил пари, что заставит её влюбиться. Но не учёл одного — сам может потерять сердце.

Добро пожаловать в Академию, где разбиваются сердца.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 37
Глав 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Alena Marso
Академия разбитых сердец

Глава 1

Глава 1

Рейвен

— Скажи, что ты хотя бы помнишь, какой сегодня день.

Я отрываю взгляд от коктейля и смотрю на Софи, которая уже минут десять прожигает меня глазами. Впрочем, учитывая громкость музыки и количество выпитого, её терпение заслуживает отдельной награды.

— Четверг? — предполагаю я.

— Рейвен!

— Пятница?

Софи закатывает глаза и откидывается на спинку бархатного дивана. Над нами мерцают золотистые светильники, внизу, на танцполе, толпа двигается в такт музыке, а официанты с подносами ловко лавируют между столиками. Элитный клуб в центре города забит до отказа. Здесь слишком дорогой алкоголь, слишком красивые люди и слишком много тех, кто считает, что деньги дают им право на всё.

В общем, идеальное место, чтобы провести вечер. Особенно если завтра у твоего отца свадьба, на которую ты со-

вершенно не собираешься смотреть с улыбкой.

— Уже сегодня свадьба твоего отца, — напоминает Софи, наклоняясь ко мне, чтобы перекричать музыку. — Ты вообще собираешься домой? Уже почти половина второго!

Я смотрю на экран телефона. Действительно. Половина второго ночи. Ничего себе. А я ведь собиралась вернуться ещё час назад.

Хотя кого я обманываю?

— Знаешь, что я тебе скажу? — Я ставлю бокал на столик и придвигаюсь к подруге. — Мне совершенно плевать на эту свадьбу.

— Да, я заметила.

— Нет, ты не поняла. Мне настолько плевать, что я собираюсь сделать её незабываемой.

Софи медленно прикрывает глаза.

— Только не говори, что ты опять что-то задумала.

— Я? — прикладываю ладонь к груди. — Софи, я потрясена. Неужели у меня настолько плохая репутация?

— В прошлый раз ты объявила тост на помолвке своего отца и пожелала ему «наконец-то научиться отличать любовь от очередного кризиса среднего возраста».

Я расплываюсь в улыбке.

— Ну, во-первых, мне было шестнадцать. Во-вторых, я была абсолютно права.

— А в-третьих, ты чуть не довела его до инфаркта.

— Папа слишком драматизирует.

Софи смотрит на меня так, будто всерьёз размышляет, не вызвать ли мне экзорциста.

— Рейвен, пожалуйста. Хотя бы завтра. Один день. Ты можешь просто надеть красивое платье, улыбнуться на фотографиях и не пытаться уничтожить отношения собственного отца?

Я молчу.

И дело вовсе не в Саре. Не совсем.

Сара — хорошая женщина. Вежливая, заботливая, терпеливая до такой степени, что иногда мне кажется, будто у неё внутри вместо нервной системы проложена отдельная линия, соединённая с небесной канцелярией. Она никогда не повышает на меня голос, не пытается занять чужое место и каждый раз искренне интересуется, как прошёл мой день.

Именно это раздражает сильнее всего.

Мне было бы гораздо проще ненавидеть её, если бы она оказалась стервой. Но нет. Она замечательная. И, судя по всему, завтра собирается стать моей мачехой.

Какое счастье.

После смерти мамы, я не могу видеть женщин рядом с отцом. Нам никто не нужен.

— Я обещаю вести себя прилично, — произношу я с самым невинным выражением лица.

Софи прищуривается.

— Ты врёшь.

— Ужасно вру, — соглашаюсь я. — Но мне приятно, что

ты веришь в меня.

Она хватает декоративную подушку и замахивается. Я успеваю увернуться, рассмеявшись так громко, что парень за соседним столиком оборачивается.

На несколько секунд всё становится почти нормальным. Музыка, смех, огни, Софи, которая снова пытается убедить меня не разрушать завтрашний день. Я даже позволяю себе забыть, что всего через несколько часов придётся надеть платье, спуститься по лестнице и наблюдать, как отец надевает кольцо на палец женщины, которую собирается называть своей женой.

Почти забыть.

— Ладно, — наконец говорю я, поднимаясь с дивана. — Пойду домой. Не хочу пропустить самое интересное.

— И что же самое интересное?

Я поправляю короткое чёрное платье и беру сумочку.

— Момент, когда папа поймёт, что женится не только на Саре, но и на моём отвратительном характере.

— Боже, дай мне сил, — бормочет Софи.

Я целую её в щёку и направляюсь к выходу, оставляя позади музыку, дорогие напитки и людей, которым совершенно неинтересно, что происходит в чужих семьях.

Мне бы у них поучиться.

Дом встречает меня тишиной.

Я с трудом попадаю ключом в замочную скважину, толкаю

тяжёлую дверь и вхожу внутрь, не особенно заботясь о том, насколько громко стучат мои каблуки по мраморному полу.

Два часа ночи. Нормальные люди спят. Мой отец, очевидно, к нормальным людям не относится.

— Рейвен!

Голос раздаётся сверху, и я едва сдерживаю стон.

Ну конечно.

На лестнице появляется отец. На нём тёмные домашние брюки и белая рубашка с закатанными рукавами. Судя по тому, как он сжимает перила, он не просто не спал — он ждал моего возвращения.

Прекрасно. Мне как раз не хватало ночной семейной терапии.

— Привет, пап, — весело бросаю я, снимая туфли. — Ты чего не спишь? Завтра важный день. Тебе нужно беречь лицо. Морщины невесте ни к чему.

Он медленно спускается по лестнице.

— Ты на часы смотрела?

— Конечно. Очень красивые. Серебристые, с маленькими цифрами из бриллиантов.

— Рейвен, я серьёзно!

— А я разве шучу?

Он останавливается передо мной, и улыбка сама собой сползает с моего лица. Отец выглядит уставшим. Под глазами залегли тени, волосы растрепались, а на переносице появилась знакомая складка, которая всегда возникает, когда

я довожу его до предела.

— Сегодня моя свадьба, — произносит он, стараясь говорить спокойно. — Тебя носит неизвестно где, телефон ты, разумеется, не слышишь, а Сара уже извелась от беспокойства.

Я вздыхаю и прислоняюсь плечом к стене.

— Пап, если она так переживает за меня, может, ей стоит отменить свадьбу и открыть круглосуточную службу спасения заблудившихся падчериц? Я даже помогу придумать логотип.

— Рейвен!

— Что? Я пытаюсь быть полезной.

Отец проводит ладонью по лицу. Кажется, ещё немного — и он действительно начнёт жалеть о решении жениться. Надо же, а я даже не успела приложить особых усилий.

— Почему ты не можешь хотя бы один вечер провести нормально? — спрашивает он тише. — Почему каждый раз, когда речь заходит о Саре или свадьбе, ты превращаешь всё в цирк?

Я отвожу взгляд.

Потому что мне не нравится видеть её чашку рядом с папиной на кухне. Не нравится, что она знает, где лежат его лекарства, какие рубашки он предпочитает и как он любит пить кофе по утрам.

Не нравится, что она постепенно становится частью нашей жизни, в которой раньше были только мы вдвоём.

И больше всего мне не нравится, что я не могу объяснить ему всё это, не показавшись маленькой эгоистичной девочкой, которая не желает делиться отцом.

Поэтому я улыбаюсь.

— Пап, давай ты просто передумаешь? Пожалуйста. Мы и без неё прекрасно жили. У нас было всё: еда, большой дом, сомнительные семейные традиции. Зачем нам что-то менять?

Он смотрит на меня долгим, усталым взглядом.

— Я люблю Сару, Рейвен.

Я перестаю улыбаться.

— Она любит меня. И она любит тебя, даже когда ты делаешь всё возможное, чтобы оттолкнуть её.

— Я её об этом не просила.

— А она не просила тебя называть её мамой. Не просила любить её или притворяться, что вы лучшие подруги. Она всего лишь хочет, чтобы мы были семьёй.

Я сжимаю пальцы на ремешке сумочки.

Семьёй.

Слово, которое раньше означало нас двоих. Наши воскресные завтраки, старые фильмы по вечерам, папины дурацкие шутки и разговоры, которые могли продолжаться до рассвета.

Теперь у него будет новая семья. И, кажется, для меня в ней уже приготовили место, только никто не спросил, хочу ли я там сидеть.

— Я не прошу тебя полюбить её за одну ночь, — продолжает отец. — Но прошу быть к ней мягче. Она старается, Рейвен. По-настоящему старается. Не наказывай её за то, что я хочу быть счастливым.

Последние слова заставляют меня поднять глаза.

На секунду мне хочется сказать, что он и так был счастлив. Что нам было хорошо вдвоём. Что я не понимаю, почему этого оказалось недостаточно.

Но я знаю, что он ответит. Он скажет, что любит меня, но у него тоже есть право на собственную жизнь. И будет прав. Чёрт бы его побрал.

— Я устала, — бросаю я, направляясь к лестнице.

— Мы ещё не закончили разговор.

Я не останавливаюсь.

— Рейвен, я с тобой разговариваю!

— А я тебя прекрасно слышу, пап!

— Ещё одна подобная выходка, и я буду разговаривать с тобой совершенно по-другому. Ты меня поняла?

Я поднимаюсь на второй этаж, не оборачиваясь.

Поняла. Конечно, поняла.

Я всегда всё понимаю. Просто иногда мне гораздо легче притвориться, что мне плевать.

Дверь моей спальни, громко закрывается за моей спиной. Я бросаю сумочку на кресло, стягиваю платье, иду в душ, затем переодеваюсь в любимую пижаму. После забираюсь под одеяло и утыкаюсь лицом в подушку.

За окном шумит ветер. Где-то внизу отец, наверное, возвращается к Саре и объясняет, что всё в порядке, что я просто трудный подросток, который когда-нибудь обязательно повзрослеет.

Мне хочется рассмеяться.

Мне восемнадцать, а я всё ещё веду себя так, будто стоит мне отвернуться хотя бы на секунду, как у меня отнимут что-то важное.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок.

Уже сегодня будет свадьба. Белое платье, цветы, гости, поздравления и фотографии, на которых мы все будем улыбаться так, словно у нас идеальная семья.

Я обязательно приду. Обязательно надену платье. И, возможно, даже улыбнусь.

Но обещать, что не испорчу этот день, я не могу.

Потому что, если мой отец действительно решил начать новую жизнь, ему придётся смириться с одной маленькой проблемой.

Я пока не готова отпускать старую.

Глава 2

Глава 2. Рейвен

— Рейвен, просыпайся. К тебе пришли.

Я натягиваю одеяло на голову и пытаюсь сделать вид, что не слышу отца, хотя он, судя по звуку шагов, даже не собирается уходить. Голова тяжёлая после вчерашнего, глаза отказываются открываться, а единственное желание, которое у меня осталось на этот прекрасный день, — проспать его целиком и проснуться через неделю, когда все уже смирятся с тем, что я не собираюсь радоваться чужому счастью.

— Пап, если это очередной человек, который хочет убедить меня, что сегодня самый замечательный день в нашей жизни, передай ему, что я умерла, — бормочу я в подушку.

— Очень смешно. Поднимайся, к тебе приехал стилист.

Я медленно приоткрываю один глаз.

— Стилист?

— Да, дорогая. Он будет заниматься твоими волосами и макияжем. Сара всё организовала, чтобы тебе не пришлось ни о чём беспокоиться.

Разумеется. Сара организовала. Сара позаботилась. Сара подумала обо мне. Иногда мне кажется, что если однажды я провалюсь в яму посреди леса, эта женщина каким-то образом узнает об этом, закажет вертолёт, организует спасатель-

ную операцию и к моему возвращению уже приготовит горячий ужин.

— Да, да, это ко мне, — наконец отзываюсь я, откидывая одеяло. — Пусть подождёт пока я схожу в душ.

Отец не двигается с места. Я поднимаю на него взгляд и обнаруживаю, что он смотрит на меня с осторожной улыбкой, словно надеется получить хотя бы крошечное проявление дочерней любви в день собственной свадьбы.

— Ты не хочешь меня поздравить?

Я отвожу глаза к окну. За стеклом светит солнце, обещая прекрасную погоду для церемонии. Было бы гораздо справедливее, если бы сегодня зарядил ливень, ветер повалил деревья, а свадебный шатёр унесло куда-нибудь в соседний штат.

— Нет, пап, не хочу, — отвечаю я честно. — На церемонии поздравлю.

Он тяжело вздыхает, но вместо очередной лекции подходит к кровати и наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб.

— Я всё равно тебя люблю, маленькая вредина.

Он направляется к выходу, затем оборачивается и говорит:

— Постарайся сегодня хотя бы не устроить ничего такого, о чём мы оба пожалеем.

— Я постараюсь, — обещаю я.

Технически это не ложь. Я действительно постараюсь. Просто результат моих стараний может не совсем совпасть с

тем, на что рассчитывает отец.

Дверь закрывается, и я наконец выбираюсь из постели. На часах без четверти девять. Свадьба назначена на полдень, а значит, у меня есть достаточно времени, чтобы принять душ, привести себя в порядок и придумать, как сделать этот день незабываемым.

Не в хорошем смысле, разумеется.

Через двадцать минут я выхожу из ванной, обмотанная полотенцем, с влажными волосами, прилипшими к плечам. В мою спальню заходит девушка с огромным чемоданом косметики и набором щёток, плоек и прочих инструментов, назначение которых мне неизвестно. Она представляется Эмили, улыбается так, словно мы старые подруги, и просит рассказать, какой образ я хотела бы сегодня.

Я смотрю на неё, затем на разложенные на столике кисти и палетки.

— Такой, чтобы меня не узнал собственный отец и отменил свадьбу.

Эмили на секунду замирает, а потом смеётся, решив, что я шучу.

Жаль. Мы могли бы стать хорошими подругами.

— Что-нибудь нежное, романтичное? — предлагает она, перебирая оттенки помады. — Лёгкие локоны, естественный макияж, сияющая кожа…

— Звучит ужасно.

Она улыбается и принимается за работу, окончательно убедившись, что перед ней просто девушка с непростым характером, а не человек, который внутренне готов объявить войну собственной семье.

Первые полчаса я ещё пытаюсь следить за происходящим в зеркале, но вскоре сдаюсь. Эмили оказывается профессионалом своего дела и, к моему удивлению, не задаёт лишних вопросов. Она лишь иногда просит повернуть голову, закрыть глаза или немного приподнять подбородок, а я послушно выполняю команды, листая ленту в телефоне.

Когда я в последний раз смотрю на часы, проходит уже почти два часа.

— Готово, — с удовлетворением объявляет Эмили, отходя на шаг, чтобы я могла рассмотреть результат.

Я поворачиваюсь к зеркалу.

Волосы уложены в мягкие волны, несколько прядей обрамляют лицо, а макияж подчёркивает глаза и скулы, не делая меня похожей на незнакомого человека. Эмили явно старалась, и, как бы мне ни хотелось найти повод придраться, получилось действительно красиво.

— Ненавижу признавать это, но ты хороша, — говорю я.

— Спасибо… наверное.

— Не переживай, это комплимент.

Эмили смеётся, начинает собирать косметику и напоминает, что мне лучше не трогать волосы до церемонии. Я обе-

щаю вести себя прилично, провожаю её до двери комнаты и возвращаюсь к зеркалу.

На кровати лежит платье, которое я приготовила ещё вчера.

Чёрное.

Никаких пастельных оттенков, никаких нежных цветов и воздушных тканей. Только чёрный цвет, который, как мне кажется, прекрасно подходит к моему настроению.

Я переодеваюсь, застёгиваю тонкую цепочку на шее и беру телефон. На экране несколько сообщений от Софи, последнее из которых гласит: «Если ты сегодня кого-нибудь убьёшь, пожалуйста, сначала пришли мне фотографию. Хочу знать, стоило ли вставать с утра».

Я улыбаюсь и нажимаю на вызов.

— Наконец-то! — раздаётся голос подруги. — Я уже решила, что тебя похитили вместе с твоими свадебными туфлями.

— Нет, я жива. Меня два часа мучили косметикой, а теперь я похожа на приличную девушку. Думаю, это временно.

Я подхожу к окну и смотрю на подъездную дорожку. Чёрная машина отца уже исчезла. Значит, они с Сарой уехали раньше, чтобы подготовиться к церемонии.

— Они уже уехали, — замечаю я.

— И что ты чувствуешь?

— Я не хочу, чтобы всё изменилось, Софи, — наконец

признаюсь я. — Все говорят, что ничего не поменяется, что Сара не собирается занимать чьё-то место, что папа по-прежнему будет меня любить. Но ведь это всё равно будет другая жизнь. Он больше не будет только моим отцом.

— Рей, он никогда не переставал быть твоим отцом. И женитьба на Саре этого не изменит. Ты ведь понимаешь, что он не пытается заменить твою маму?

— Понимаю.

— И Сара тоже не пытается. Она просто хочет быть рядом с человеком, которого любит. Разве это так ужасно?

Я закрываю глаза.

Нет. Не ужасно.

Наверное, поэтому мне так сложно признаться, что я злюсь не на Сару. Я злюсь на время, которое продолжает идти, несмотря на то, что однажды уже забрало у меня слишком много. На отца, который научился жить дальше. На себя, потому что я всё ещё цепляюсь за прошлое, словно если отпущу его хотя бы на секунду, то предам маму.

— Ладно, — тихо говорю я. — Встретимся на церемонии.

— Вот и отлично. И, пожалуйста, не вздумай сбежать до того, как я тебя увижу.

— Люблю тебя, Софи.

— Я тебя тоже, психопатка. До встречи.

Я отключаюсь и ещё несколько секунд стою у окна, прежде чем взять сумочку.

Пора.

Церемония проходит в загородном поместье, принадлежащем знакомым отца. Территория настолько огромная, что от въезда до главного здания приходится ехать несколько минут, а вдоль дорожек высажены кусты роз и аккуратно подстриженные деревья. Белые цветы украшают перила, на стульях гостей лежат небольшие букеты, а над проходом к свадебной арке свисают лёгкие ткани, которые колышутся от едва заметного ветра.

Всё выглядит как картинка из дорогого журнала.

И, конечно, здесь полно людей, которые готовы восхищаться каждым лепестком, каждым бокалом и каждой деталью оформления, будто именно от количества потраченных денег зависит, насколько счастливым будет брак.

Я выхожу из машины и поправляю платье. На входе меня встречает организатор, которая на секунду задерживает взгляд на моём наряде, но благоразумно ничего не говорит.

Умная женщина.

Гости уже рассаживаются, когда я направляюсь к своему месту. Несколько человек оборачиваются, одни приветливо улыбаются, другие смотрят с нескрываемым удивлением. Я отвечаю самой очаровательной улыбкой, на которую способна, и сажусь в первом ряду.

Рядом со мной оказывается женщина лет шестидесяти в нежно-голубом платье и с идеально уложенными светлыми волосами. Я узнаю мать Сары, которую видела всего пару

раз. Она одаривает меня приветливой улыбкой, но её взгляд почти сразу опускается к моему платью.

— Дорогая, ты сегодня вся в чёрном? — спрашивает она с таким искренним недоумением, будто я пришла на свадьбу в купальнике. — Неужели ничего более подходящего не нашлось?

Я поворачиваюсь к ней.

— Нашлось, конечно. Но я решила, что поминки по прежней семейной жизни требуют соответствующего дресс-кода.

Её улыбка медленно исчезает.

— Рейвен, это совершенно неуместно.

— Правда? А я думала, сегодня как раз день, когда все должны быть честными.

Женщина поджимает губы и отворачивается, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Я откидываюсь на спинку стула и прячу довольную улыбку.

Вскоре музыка меняется, гости поднимаются со своих мест, и я вижу отца. Он стоит у свадебной арки в тёмном костюме, непривычно серьёзный, с нервной улыбкой, которую я помню ещё с тех времён, когда он волновался перед моими школьными выступлениями.

На секунду мне становится больно. Он выглядит счастливым. По-настоящему счастливым. А затем появляется Сара.

На ней белое платье с длинной юбкой, волосы собраны в элегантную причёску, а в руках она держит небольшой букет. Когда она встречается взглядом с отцом, её лицо озаряется

такой нежностью, что мне хочется отвернуться.

Я знаю, что она не виновата. Знаю, что она любит его и никогда не пыталась причинить мне боль.

Но знание не помогает.

Они стоят друг напротив друга, держатся за руки, а ведущий церемонии начинает говорить о любви, доверии и обещаниях, которые два человека дают друг другу. Я слушаю вполуха, разглядывая свои пальцы и пытаясь убедить себя, что могу пережить этот день без очередной выходки.

Нужно просто сидеть тихо.

Пять минут.

Десять.

А потом ведущий произносит слова, которые окончательно выбивают почву у меня из-под ног:

— Если кто-то из присутствующих считает, что есть причина, по которой эти двое не должны вступать в брак, пусть скажет об этом сейчас.

Тишина.

Моё сердце начинает биться так сильно, что я слышу его в ушах. Я знаю, что должна молчать. Знаю, что отец посмотрит на меня с разочарованием, а Сара, скорее всего, едва сдержит слёзы.

Но, прежде чем успеваю передумать, я поднимаюсь со своего места.

— У меня есть причина.

Кто-то резко втягивает воздух. Ведущий замолкает, гости

поворачиваются ко мне, а отец медленно закрывает глаза, словно заранее понимает, что сейчас произойдёт.

— Рейвен, — произносит он предупреждающим тоном.

Я смотрю на него, потом на Сару, которая побледнела, но продолжает держать его за руку.

— Я просто хочу, чтобы вы оба подумали ещё раз, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы правда считаете, что можете начать новую жизнь и сделать вид, будто ничего не было? Будто прошлое можно просто убрать с дороги, как ненужную вещь?

— Дорогая, — тихо начинает Сара.

— Не надо. Пожалуйста, не надо делать вид, что всё хорошо. Потому что для меня ничего не хорошо.

Отец делает шаг в мою сторону, но я продолжаю, пока ещё могу говорить:

— Я не хочу, чтобы ты забывал маму, пап. И не хочу, чтобы однажды ты забыл, какой была наша жизнь до всего этого.

Несколько секунд никто не произносит ни слова.

Я вижу, как меняется лицо отца. Злость в его глазах смешивается с болью, и от этого мне становится ещё хуже. Я ведь не хотела делать ему больно. По крайней мере, не настолько.

— Твоя мама всегда будет частью моей жизни, — говорит он наконец. — И частью твоей. Никто не собирается её забывать.

— Тогда почему всё должно измениться?

— Потому что жизнь продолжается, Рейвен.

Эти слова звучат так просто, что я едва не смеюсь.

Жизнь продолжается.

Конечно. Для него продолжается. Для Сары. Для всех этих людей, которые завтра проснутся, выпьют кофе и забудут, что сегодня какая-то девочка пыталась остановить свадьбу собственного отца.

Но я не могу просто взять и продолжить.

— Я люблю тебя, пап, — вырывается у меня прежде, чем я успеваю остановиться. — Просто я не готова.

Его выражение смягчается. Он подходит ко мне, берёт за плечи и тихо произносит:

— Я знаю, милая. Но ты не должна быть готова ко всему сразу. Просто позволь мне быть счастливым.

Я отвожу взгляд, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Мне хочется обнять его. Попросить прощения. Сказать, что я не ненавижу Сару и никогда не хотела, чтобы он отказывался от собственного счастья ради меня.

Вместо этого я отступаю на шаг и возвращаюсь на своё место.

Церемония продолжается.

И, несмотря на мою попытку всё разрушить, спустя несколько минут отец надевает кольцо на палец Сары, целует её под аплодисменты гостей, а я сижу в первом ряду и чувствую, как внутри меня медленно что-то ломается.

Я проиграла.

— Ты вообще понимаешь, что сейчас произошло?

Отец хватает меня за руку, как только фотографы заканчивают снимать молодожёнов. Он уводит меня за свадебную арку, туда, где нас не смогут услышать гости, и останавливается возле стены, тяжело дыша от сдерживаемой злости.

— Пап, не начинай.

— Не начинай?! — Он смотрит на меня так, словно не узнаёт. — Рейвен, ты встала посреди моей церемонии и заявила, что нам не следует жениться! Ты хоть представляешь, как это выглядело?

— Я сказала то, что думаю.

— А ты хоть раз подумала о том, что чувствуют другие люди, прежде чем открывать рот?

Я отворачиваюсь, скрестив руки на груди.

— Я не собиралась…

— Не собиралась что? Унижать меня перед всеми? Причинять боль Саре? Показывать гостям, что я не способен воспитать собственную дочь?

— Не втягивай сюда воспитание.

— А как мне тебя воспитывать, Рейвен, если ты ведёшь себя так, будто тебе всё позволено? Ты взрослая девушка, и я больше не собираюсь закрывать глаза на каждую твою выходку!

Я чувствую, как внутри поднимается знакомое упрямство. Мне хочется огрызнуться, сказать что-нибудь такое, чтобы

он разозлился ещё сильнее, потому что злость хотя бы проще переносить, чем разочарование в его глазах.

— Я просто не хочу, чтобы ты женился на ней, — произношу я тише.

Отец замолкает.

Несколько секунд он просто смотрит на меня, а затем устало проводит рукой по волосам.

— Я люблю Сару. И я женился на ней не для того, чтобы причинить тебе боль. Мне жаль, что ты не можешь это принять, но я не позволю тебе разрушать мой брак только потому, что тебе трудно смириться с переменами.

Я опускаю глаза.

— Завтра нас ждёт серьёзный разговор, — продолжает он уже холоднее. — И на этот раз я не собираюсь делать вид, что ничего не произошло.

— Хорошо.

— Рейвен, я говорю серьёзно.

— Я тебя услышала, пап.

Он качает головой, словно больше не знает, что мне сказать, и уходит обратно к гостям.

Я остаюсь стоять у стены, глядя ему вслед, пока за поворотом не исчезает его фигура.

В груди неприятно жжёт.

Я добилась своего. Отец злится, Сара расстроена, а весь этот безупречный день получил маленькое пятно, которое уже не получится вывести.

Почему же мне от этого не становится легче?

К вечеру свадебное торжество перемещается в огромный загородный дом, расположенный неподалёку от озера. Повсюду стоят высокие композиции из белых цветов, лестничные перила украшены зеленью и тонкими лентами, а вдоль потолка протянуты гирлянды тёплых лампочек. В гостиной играет живая музыка, официанты разносят напитки, и гости восхищённо рассматривают каждую деталь оформления.

Всё выглядит дорого, красиво и до тошноты идеально.

— Это просто сказка! — восторженно восклицает какая-то женщина рядом со мной.

Я делаю глоток воды и едва удерживаюсь от комментария.

Да, сказка. Только почему-то мне досталась роль злой ведьмы.

Отец держит Сару за руку, разговаривает с друзьями, смеётся над шутками гостей и время от времени наклоняется, чтобы прошептать ей что-то на ухо. Она улыбается, касается его щеки и смотрит на него так, словно он — самый лучший мужчина на свете.

Я наблюдаю за ними издалека, чувствуя, как внутри снова поднимается волна раздражения.

Ненавижу.

Ненавижу эту свадьбу, эти цветы, эти улыбки, эти бесконечные поздравления. Ненавижу то, как Сара счастлива, как отец держит её за руку, как все вокруг делают вид, что сего-

дня случилось что-то прекрасное.

— Чёрт бы вас всех побрал, — шепчу я себе под нос.

На ближайшем столике стоит бутылка джина. Я оглядываюсь, убеждаюсь, что никто не обращает на меня внимания, и забираю её, прихватив первый попавшийся бокал. Мне нужно выйти отсюда. Подышать воздухом. Побыть в одиночестве хотя бы несколько минут, пока я окончательно не наговорила лишнего.

Я направляюсь к боковому выходу, стараясь не встречаться взглядом с гостями, и толкаю тяжёлую дверь плечом.

На улице прохладно. Ветер треплет волосы, музыка становится приглушённой, а за спиной остаётся тёплый свет огромных окон.

Я спускаюсь по ступенькам, быстро пересекаю дорожку и сворачиваю за угол дома.

И тут в кого-то врезаюсь.

Столкновение получается настолько неожиданным, что бутылка едва не выскальзывает из моей руки. Чья-то ладонь на мгновение касается моего локтя, удерживая меня от падения.

— Эй! Смотри, куда идёшь!

Я даже не поднимаю головы, продолжая идти вперёд.

— Иди к чёрту!

За спиной раздаётся короткий смешок.

— Как скажешь, красотка.

Я закатываю глаза и ускоряю шаг. Последнее, что мне сейчас нужно, так это очередной самодовольный придурок.

Пусть катится к чёрту вместе со всеми остальными. Я даже не оборачиваюсь, чтобы посмотреть на его лицо.

Озеро находится всего в нескольких минутах ходьбы от дома. Узкая тропинка ведёт через деревья, а затем открывает вид на тёмную воду, в которой отражаются последние полосы закатного неба. Здесь тихо, почти не слышно музыки с террасы.

Я устраиваюсь на деревянной скамье, ставлю бутылку рядом и снимаю туфли, поджав под себя ноги.

Вот теперь хорошо. Только я, озеро и бутылка джина.

Я делаю небольшой глоток прямо из бутылки и морщусь от резкого вкуса. Алкоголь обжигает горло, но хотя бы ненадолго заглушает мысли, которые весь день не дают мне покоя.

Время тянется медленно. Солнце постепенно исчезает за деревьями, небо темнеет, и на противоположном берегу загораются первые огни. Я слышу, как где-то вдалеке смеются люди, а затем снова остаюсь наедине с тишиной.

В какой-то момент включаются гирлянды, протянутые между деревьями возле дома. Тёплые огоньки отражаются в воде, превращая озеро в декорацию к романтическому фильму.

Иронично.

Я сижу здесь, пью джин из горла и пытаюсь не думать о том, как отец сегодня женился на этой женщине. Вокруг меня тем временем разворачивается самая красивая романтическая сцена, которую только можно придумать.

— Великолепно, — бормочу я. — Просто великолепно.

— Прости, что вмешиваюсь, но ты в порядке?

Я резко поворачиваю голову.

Рядом стоит светловолосый парень. Высокий, в тёмной рубашке с закатанными рукавами и светлых брюках. Он выглядит так, словно только что сошёл с обложки глянцевого журнала. На лице — спокойное выражение, а в глазах читается искреннее любопытство.

Я смотрю на него несколько секунд, а затем поднимаю бутылку.

— Разумеется. Я всегда сижу у озера в вечернем платье, пью джин и разговариваю с водой. Это моя традиция. А ты, я смотрю, решил присоединиться?

Уголок его губ приподнимается.

— Вода пока не отвечает, поэтому я решил попробовать свои шансы.

Я неожиданно для себя фыркаю.

— Поздравляю. Ты уже превзошёл её по уровню общения.

Парень тихо смеётся, но не пытается сесть рядом без разрешения. Вместо этого он указывает на свободный край скамьи.

— Можно?

Я пожимаю плечами.

— Скамейка общественная. Не думаю, что мне принадлежит монополия на одиночество.

— Хорошо сказано.

Он садится, оставляя между нами приличное расстояние, и несколько секунд мы молчим, глядя на воду. От него пахнет свежим воздухом и чем-то древесным, ненавязчивым. Он не задаёт вопросов о бутылке, не читает мне лекцию о вреде алкоголя и не пытается выяснить, почему я сбежала с праздника.

Уже за это он заслуживает небольшой плюс.

— Я Нолан, кстати, — наконец представляется парень.

Я поворачиваюсь к нему.

— Рейвен.

— Приятно познакомиться, Рейвен.

— Не торопись с выводами. Мы знакомы всего тридцать секунд.

— Тогда пока скажу, что мне приятно сидеть рядом с тобой. Это звучит менее рискованно?

— Ненамного.

Он улыбается, и я замечаю, что у него очень светлые глаза. В другом настроении я, возможно, даже обратила бы на это внимание. Сейчас же мне хочется только одного — чтобы этот день наконец закончился.

— Ты тоже сбежал с праздника? — спрашиваю я.

— Вроде того. В доме слишком много людей, которые считают своим долгом рассказать, как сильно они любят свадьбы.

— А ты их не любишь?

— Я люблю хорошую еду, музыку и возможность уйти, когда захочу. Всё остальное зависит от компании.

— Осторожно, Нолан. Ещё немного, и я решу, что ты нормальный.

— Это было бы ужасно. Мне пришлось бы срочно испортить впечатление.

Я улыбаюсь. Он не задаёт лишних вопросов и не делает вид, будто знает, что мне нужно. Мы просто сидим рядом, иногда обмениваясь короткими замечаниями.

Через некоторое время я смотрю на дом. Гирлянды уже ярко светятся в темноте, за окнами мелькают силуэты гостей, а музыка становится громче. Наверное, сейчас отец танцует с Сарой, и все вокруг восхищаются тем, какая они красивая пара.

Я опускаю взгляд на бутылку и понимаю, что больше не хочу туда возвращаться.

— Слушай, — говорю я, поворачиваясь к Нолану. — Я не хочу здесь больше оставаться.

Он смотрит на меня с лёгким удивлением.

— Здесь, у озера?

— Вообще здесь. В этом доме, на этом празднике, среди людей, которые весь день делают вид, что всё прекрасно. Я хочу домой, принять душ, лечь в кровать и проснуться в понедельник, когда всё это наконец закончится. — Ты на машине? — спрашиваю я после короткой паузы. — Сможешь отвезти меня домой?

Нолан бросает взгляд на бутылку, потом снова смотрит на меня.

— Вообще-то я приехал с водителем, но пойдём. Я отвезу тебя. — сказал он и протянул мне руку.

Я смотрю на его ладонь, затем на лицо.

— Ты ведь понимаешь, что я могу оказаться серийной убийцей?

— Тогда мне повезло, что я умею бегать.

Я смеюсь и принимаю его помощь, поднимаясь со скамейки. Ноги немного затекли, а после нескольких глотков джина мир кажется чуть мягче. Нолан замечает это и предлагает идти медленнее, но не пытается забрать у меня бутылку.

Мы направляемся к дому по освещённой дорожке. Когда приближаемся к парковке, он достаёт телефон и звонит водителю, но после короткого разговора убирает его обратно в карман.

— Машина у главного въезда, — объясняет он. — Придётся немного пройти.

— Если ты собираешься похитить меня и продать на чёр-

ном рынке, предупреждаю: я стою дорого, но характер у меня отвратительный.

— Принято к сведению. Возможно, придётся доплатить покупателю за моральный ущерб.

Я качаю головой, улыбаясь, и следую за ним к чёрному Mercedes, припаркованному неподалёку от ворот.

Нолан обходит машину и открывает передо мной пассажирскую дверь с такой естественной галантностью, словно это не жест из старого фильма, а совершенно обычное дело.

— Прошу.

Я забираюсь в салон, он закрывает дверь и садится за руль. Внутри пахнет кожей и свежестью, на панели мягко светятся приборы, а музыка играет настолько тихо, что почти не нарушает тишину.

— Адрес? — спрашивает Нолан, пристёгивая ремень.

Я называю улицу и номер дома, после чего откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза.

— Если я усну, не продавай мои органы.

— Постараюсь удержаться от соблазна.

Машина плавно трогается с места.

Несколько минут мы едем молча. Я постепенно чувствую, как напряжение, которое весь день сжимало мне грудь, начинает отпускать. Нолан не пытается заполнить тишину разговорами, и я благодарна ему за это больше, чем могла бы объяснить.

— Ты всегда такая? — вдруг спрашивает он.

Я приоткрываю глаза.

— Какая?

— Острая на язык. Немного злая. С видом человека, который готов укусить любого, кто задаст лишний вопрос.

— Только по праздникам.

— Тогда мне повезло встретить тебя в особенный день.

Когда Mercedes останавливается у ворот нашего дома, охранник выходит из будки и направляется к машине. Он наклоняется к окну водителя, внимательно рассматривает Нолана, затем заглядывает в салон и хмурится.

— Извините, сэр, но въезд закрыт. Владелец дома сегодня на свадьбе, и мы не можем пропускать посторонние автомобили.

Нолан спокойно кивает.

— Понимаю. Я привёз Рейвен.

— Боюсь, я не могу вас пропустить без подтверждения.

Я открываю глаза и поворачиваюсь к окну.

— Серьёзно? — бормочу я. — Теперь мне ещё и собственный дом штурмовать?

Опускаю стекло и высовываюсь наружу.

— Марк, это я. Открой ворота, пожалуйста. Иначе мне придётся провести ночь в машине с человеком, которого я знаю несколько часов, а я не уверена, что его страховка покрывает подобные риски.

Охранник сразу выпрямляется, узнавая меня.

— Мисс Картер, прошу прощения. Я не узнал автомобиль.

— Ничего страшного. Главное, что теперь узнал меня.

Ворота начинают медленно открываться. Я поднимаю стекло и поворачиваюсь к Нолану, который с трудом сдерживает улыбку.

— Ни слова.

— Я ничего не сказал, но у тебя удивительный талант читать мысли.

— Это дар. Обычно я использую его во зло.

Он смеётся и въезжает на подъездную дорожку. Когда машина останавливается перед крыльцом, Нолан выходит первым, обходит капот и открывает мне дверь. Я выбираюсь наружу, поправляя платье, и на секунду задерживаюсь возле него.

— Спасибо, что подвёз. И за то, что не задавал слишком много вопросов.

— Спасибо, что не убила меня и не продала мои органы.

— Не обещаю, что в следующий раз тебе так повезёт.

— Буду иметь в виду.

Он улыбается, а я ловлю себя на мысли, что за последние полчаса мне не хотелось ни с кем спорить, никого отталкивать и доказывать всем, что мне плевать.

— Рад был познакомиться, Рейвен.

— Взаимно.

Я разворачиваюсь к дому, но, поднявшись на первую ступеньку, всё-таки оборачиваюсь.

Нолан всё ещё стоит возле машины, засунув руки в карманы. В свете фонарей его светлые волосы кажутся почти золотыми.

— Спокойной ночи, Нолан.

— Спокойной ночи, Рейвен.

Я захожу в дом и закрываю за собой дверь. Внутри тихо, наверное все помощники по дому уже спят.

Свадьба ещё продолжается, отец вернётся поздно, и завтра нас ждёт серьёзный разговор.

Глава 3

Глава 3. Рейвен

Если бы мне предложили выбрать между завтраком с отцом и Сарой и добровольным заключением в тюрьму строгого режима, я бы попросила показать фотографии камер. Просто для сравнения условий.

Пока что тюрьма выигрывает.

Я сижу за длинным обеденным столом, лениво ковыряя вилкой яичницу, и стараюсь не смотреть на Сару, которая, кажется, совершенно искренне наслаждается утром.

Отец напротив меня тоже выглядит подозрительно бодрым. Он читает что-то в планшете, время от времени отпивая кофе, и всем своим видом напоминает человека, который прекрасно выспался, счастлив в браке и не имеет ни малейшего представления о том, что такое похмелье от свадьбы.

Ненавижу счастливых людей по утрам.

— Рейвен, отложи вилку.

Я поднимаю глаза.

— Почему? Она тоже чем-то провинилась?

— Я серьёзно.

Отец медленно кладёт планшет на стол. По его лицу я понимаю, что сегодняшний завтрак не закончится обычным обменом колкостями.

Жаль. А я уже начала надеяться.

— Я устал, Рейвен.

— Тогда тебе стоило поспать подольше. Вчера был тяжёлый день.

Сара едва заметно прикрывает глаза, словно заранее просит у вселенной терпения.

Отец даже не улыбается.

— Я устал терпеть твои выходки. Твоё отношение ко мне, к Саре, к любому человеку, который пытается с тобой нормально разговаривать. Я дал тебе время привыкнуть к переменам. Позволял злиться, спорить, говорить вещи, о которых ты потом жалела. Но вчера ты перешла черту.

Я отвожу взгляд к окну.

— Мы уже обсуждали это.

— Нет, Рейвен. Вчера я выслушал твои объяснения. Сегодня я сообщаю тебе своё решение.

Что-то в его голосе заставляет меня выпрямиться.

— С сентября ты отправляешься в академию.

Я несколько секунд смотрю на него, не совсем понимая смысл сказанного.

— Что?!

— Ты меня услышала. Ты едешь в **АкадемиюБлэкторн**. Документы уже подготовлены. К началу учебного года ты будешь там.

Я резко отодвигаю стул.

— Ты не можешь просто взять и…

— Сядь на место, Рейвен.

Голос отца становится настолько жёстким, что я невольно замираю. Он никогда не разговаривал со мной так, будто перед ним не дочь, а подчинённая, допустившая серьёзную ошибку на работе.

Впрочем, видимо, всё когда-нибудь случается впервые.

— Я ещё не закончил, — продолжает он. — Поэтому сядь и выслушай меня.

Мне хочется швырнуть вилку в стену. Желательно так, чтобы она оставила приличную вмятину и стала семейной реликвией.

Но я медленно опускаюсь обратно на стул, скрещиваю руки на груди и демонстративно откидываюсь на спинку.

— Вся во внимании, ваше величество.

—**Блэкторн**— это закрытая академия. Там учатся дети людей, которые управляют крупнейшими компаниями, банками и фондами страны. Многие из выпускников со временем занимают руководящие должности в семейном бизнесе, входят в советы директоров, работают в политике или международных организациях.

— Звучит как место, где богатые родители собирают своих детей, чтобы те могли научиться ещё эффективнее тратить чужие деньги.

— Там учат не только бизнесу и финансам. Студенты изучают право, экономику, международные отношения, управление и стратегию. Проходят стажировки, участвуют в за-

крытых мероприятиях, учатся вести переговоры и представлять свои семьи. Этикет, публичные выступления, поведение в обществе — всё это тоже часть программы.

— Великолепно. То есть меня научат правильно улыбаться, пока я ненавижу собеседника.

— В твоём случае это будет полезный навык.

Я открываю рот, но на секунду теряюсь от неожиданности. Сара тихо кашляет, пряча улыбку за чашкой.

Вот эта улыбка! Это она хочет меня сбагрить!

— Академия расположена за пределами Вашингтона, на большой закрытой территории, — продолжает отец. — Студенты живут в резиденциях. Домой можно приезжать только на официальные каникулы. Никаких самовольных отъездов, ночных исчезновений и прочих сюрпризов.

Я чувствую, как внутри закипает злость.

— Ты собираешься запереть меня там?

— Я собираюсь дать тебе возможность повзрослеть.

— Мне восемнадцать, папа. Если ты не заметил, я уже не ребёнок.

— Тогда начни вести себя соответственно своему возрасту.

Я могла бы сказать ему, что вчера не хотела причинять ему боль. Что мне просто страшно потерять остатки нашей прежней жизни. Что, когда он стоял рядом с Сарой у алтаря, я чувствовала себя девочкой, которую оставили за дверью собственного дома.

Но я не произношу ничего из этого. Вместо этого усмехаюсь.

— И что, после нескольких месяцев среди наследников корпораций я вернусь домой новым человеком? Научусь подавать руку, говорить «благодарю» и перестану портить тебе фотографии?

— Я не жду, что ты изменишься за несколько месяцев. Но ты научишься ответственности, дисциплине и уважению к окружающим.

— А если я не хочу?

— Это не обсуждается.

Я перевожу взгляд на Сару. Она всё это время молчит, сцепив пальцы вокруг чашки. И хотя я знаю, что она не обязана вступаться за меня, мне почему-то хочется, чтобы она хоть раз сказала что-нибудь в мою защиту.

— Сара, между прочим— обращается ко мне отец, — уже пыталась меня отговорить. Но я уже принял решение.

Я медленно поворачиваю голову.

— О, как мило. Вы даже успели провести семейный совет без главного участника. Надеюсь, хотя бы протокол составили?

— Рейвен, — тихо произносит Сара. — Я действительно пыталась поговорить с твоим отцом. Мне жаль, что всё получилось именно так.

— Правда? А я думала, ты мечтала избавиться от меня с первого дня знакомства.

— Это неправда.

— Тогда поздравляю. Теперь у тебя будет целый дом без моей очаровательной компании. Можешь наконец перестать делать вид, что мы одна большая счастливая семья.

— Достаточно! — Отец ударяет ладонью по столу.

Чашки едва слышно звякают.

— Ты отправляешься в **Академию Блэкторн** тридцатого августа. Я не собираюсь больше обсуждать этот вопрос.

Я смотрю на него, чувствуя, как к горлу подступает ком. Он даже не оставляет мне возможности возразить. Просто решает, куда я поеду, с кем буду жить и сколько времени мне разрешено проводить в собственном доме.

Как будто я вещь, которую можно переставить с одного места на другое, если она мешает новому интерьеру.

— Знаешь что? — Я резко встаю, отодвигая стул. — Да пошло оно всё!

— Рейвен!

— Я никуда не поеду! Слышишь? Можешь отправить туда все свои деньги, свои компании и всех своих драгоценных наследников, но меня там не будет!

Я хватаю со стола телефон и направляюсь к выходу.

— Мы ещё не закончили! — кричит отец мне вслед.

— А я закончила!

Дверь за моей спиной захлопывается так громко, что, кажется, её слышно на другом конце дома.

Отлично.

Если уж меня собираются отправить в ссылку, то хотя бы пусть запомнят этот момент.

— Подожди. Повтори ещё раз.

Софи застыла посреди магазина с двумя бумажными пакетами в руках. На её лице застыло выражение, которое я обычно вижу, когда она узнаёт, что кто-то из наших знакомых расстался, сошёлся с бывшим или тайно встречается сразу с двумя людьми.

То есть выражение абсолютного, неподдельного интереса.

— Мой отец решил, что я испортила ему свадьбу недостаточно сильно, поэтому теперь собирается испортить мне всю оставшуюся жизнь, — поясняю я, забирая у неё один из пакетов. — С сентября я отправляюсь в **Академию Блэкторн**. Там меня будут учить управлять компаниями, вести переговоры и правильно держать бокал на благотворительных вечерах.

— Вот это новости! А куда ты пропала вчера? Я тебя после церемонии вообще не видела. Мы с мамой пытались тебя найти, но потом начались поздравления, танцы, фотографии… Я решила, что ты ушла домой.

Я отвожу взгляд.

Мы стоим на втором этаже торгового центра, возле витрины магазина одежды. Вокруг снуют люди с пакетами, из соседнего кафе доносится запах кофе и свежей выпечки, а из динамиков под потолком играет какая-то беззаботная по-

псовая песня.

— Я не хотела никого видеть, — наконец отвечаю я. — Поэтому ушла. Погуляла немного, потом добралась домой.

Не совсем ложь. Просто версия событий, в которой отсутствует светловолосый незнакомец, бутылка джина и поездка домой на чужой машине.

— Ты могла хотя бы написать мне.

— Знаю.

Софи вздыхает и обнимает меня за плечи.

— Ладно. Главное, что ты в порядке. Но насчёт академии… — Она отстраняется и смотрит на меня с таким выражением, словно я только что сообщила, что мне осталось жить три дня. — Ты серьёзно расстроилась из-за **Академии Блэкторн**?

— Нет, Софи. Я просто обожаю, когда за меня принимают решения.

— Рейвен! Да ты хоть понимаешь, насколько это крутое место?

Я подозрительно щурюсь.

— Ты сейчас издеваешься?

— Нисколько! Это одна из самых престижных академий страны. Туда невозможно попасть просто потому, что у твоих родителей есть деньги. Там связи, рекомендации, отбор, конкурсы… Половина людей мечтает туда поступить!

— Какая трогательная история. Может, мне ещё начать благодарить отца за то, что он решил отправить меня подаль-

ше от дома?

— Послушай меня. Там будут самые богатые и влиятельные семьи, закрытые мероприятия, потрясающая территория, собственные спортивные комплексы…

— Ты перечисляешь это так, будто продаёшь мне путёвку в рай.

— А ты ведёшь себя так, будто тебя отправляют на каторгу.

— Разве нет?

Софи вдруг замолкает. Она смотрит на меня, потом медленно ставит пакеты на ближайшую скамейку.

— А знаешь что? Я поеду с тобой.

Я моргаю.

— Что?

— Я поступлю туда вместе с тобой.

Несколько секунд я просто смотрю на неё, пытаясь понять, не ослышалась ли.

— Ты шутишь?

— Нет. Я как раз думала, куда поступать. Родители постоянно спрашивают, выбрала ли я университет, факультет, программу. А я до сих пор не могу определиться. Если уж ты всё равно туда едешь, почему бы нам не попробовать вместе?

Внутри что-то меняется.

Ещё минуту назад мне казалось, что меня собираются запереть в огромном особняке среди незнакомых людей, которые будут оценивать каждое моё движение. Я представляла

длинные коридоры, строгие правила, чужие лица и месяцы, в течение которых мне придётся жить вдали от всего, что я знаю.

Но если рядом будет Софи…

— Ты действительно готова поехать со мной? — спрашиваю я, стараясь не выдать, насколько сильно мне хочется услышать положительный ответ.

Она закатывает глаза.

— Рей, я готова поехать с тобой даже в тюрьму строгого режима. Главное, чтобы там был нормальный интернет и приличная еда.

Я смеюсь.

— Конечно, я хочу, чтобы ты поехала со мной!

Софи радостно вскрикивает, бросается ко мне, и мы обнимаемся прямо посреди торгового центра, совершенно не заботясь о том, что прохожие обходят нас стороной.

— Всё, решено! — объявляет она, отстраняясь. — Если уж нас собираются отправить в элитное заведение для избалованных наследников, мы хотя бы сделаем это красиво.

Возможно, **Блэкторн** не окажется настолько ужасной, как я себе представляю. Возможно, там будет даже интересно.

Но если кто-нибудь решит, что сможет командовать мной только потому, что носит дорогой костюм и умеет правильно держать вилку, его ждёт неприятный сюрприз.

Я ещё не решила, как именно испорчу жизнь этой академии. Но время у меня есть.

— Предлагаю сбежать на пляж, — говорю я, когда мы выходим из торгового центра на залитую солнцем парковку.

Софи поворачивается ко мне.

— Сейчас?

— Нет, через пять лет, когда мы закончим академию и выйдем замуж за наследников нефтяных компаний. Конечно, сейчас!

— Тогда я согласна.

Я достаю ключи из сумочки и нажимаю кнопку на брелоке. В нескольких рядах от нас мигают фары моего шоколадного Lincoln Navigator — массивного внедорожника с тёмными стёклами и кремовым кожаным салоном.

Отец подарил его мне на восемнадцатилетие. Тогда он сказал, что я уже достаточно взрослая, чтобы самостоятельно передвигаться по городу, и достаточно упрямая, чтобы всё равно делать по-своему..

— Куда направляемся? — спрашивает Софи, устраиваясь на пассажирском сиденье.

— Сначала к тебе. Нам нужны купальники, солнцезащитный крем и коктейли. Много коктейлей.

— О, это я одобряю.

Я завожу двигатель, и уже через несколько минут мы выезжаем на дорогу.

— Выбирай любой, — объявляет Софи, распахивая двер-

цы шкафа в своей спальне.

На кровати уже лежат четыре новых купальника, а она продолжает вытаскивать из шкафа один за другим, словно собирается открыть собственный магазин пляжной одежды.

— Господи, откуда у тебя столько купальников?

— А что? Я готовлюсь к лету.

Я качаю головой и подхожу ближе.

Софи всегда умела выглядеть так, будто даже обычный поход в торговый центр — это повод появиться на обложке журнала. Длинные гладкие светлые волосы спускаются почти до талии, пухлые губы постоянно изгибаются в довольной улыбке, а идеальная фигура с округлыми бёдрами и упругой задницей, которую она совершенно не стесняется подчёркивать одеждой, заставляет оборачиваться даже тех, кто обычно не замечает ничего вокруг.

При этом Софи никогда не ведёт себя так, словно знает о своей внешности больше остальных. Или, если и знает, то умело использует это исключительно в мирных целях.

Например, чтобы получать бесплатные десерты.

— Кстати, — произносит она, перебрасывая через плечо очередной купальник, — я тебе не говорила? Мы с родителями через две недели летим в Майами.

Я поворачиваюсь к ней.

— В Майами?

— Да! И я хотела предложить тебе поехать с нами. Хочешь?

Я смотрю на неё так, словно она только что предложила мне унаследовать частный остров.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Мы с тобой практически не отдыхали нормально всё лето. А сейчас у нас впереди академия, куча новых людей и неизвестно сколько правил. Думаю, нам нужно успеть немного пожить до того, как нас начнут перевоспитывать.

— Я тебя обожаю. Конечно, поеду! Если только отец не решит, что после вчерашнего мне противопоказаны солнечный свет, свобода и общение с людьми.

Софи отмахивается.

— Наши родители дружат уже много лет. Твой отец и мой отец не просто приятели, они ещё и деловые партнёры. Он доверяет моей семье. Уверена, я смогу его уговорить.

— Ты не видела его сегодня утром. Он был готов отправить меня в академию прямо в пижаме.

— Тогда будем давить на то, что ты и так в сентябре туда уезжаешь. Пусть даст тебе возможность нормально отдохнуть перед началом учёбы.

Я задумчиво кусаю губу.

— Это может сработать.

— Разумеется. А если не сработает, я попрошу папу поговорить с ним.

Мы с Софи дружим столько лет, что наши родители давно привыкли воспринимать нас как единое целое. Если одна из

нас собирается куда-то, вторая обычно оказывается рядом.

И сейчас мысль о поездке в Майами кажется мне спасательным кругом.

— Ладно, — говорю я, выбирая чёрный купальник с тонкими завязками. — Если я каким-то чудом получу разрешение, я обещаю вести себя прилично.

Софи смотрит на меня с сомнением.

— Ты только что назвала себя приличной?

— Не привыкай. Это разовая акция.

К закрытому пляжному клубу мы добираемся ближе к полудню.

Это одно из тех мест, куда нельзя просто приехать с улицы, разложить полотенце и занять свободный участок песка. Въезд охраняется, доступ получают только члены клуба и их гости, а вдоль частной береговой линии расставлены белоснежные шезлонги с мягкими матрасами. Между пальмами виднеются небольшие кабаны с занавесками, а возле открытого бара прохладительные напитки подают в высоких бокалах с кусочками свежих фруктов.

Всё вокруг выглядит так, словно кто-то решил построить собственную версию рая, но предусмотрительно ограничил список приглашённых.

И, что особенно приятно, здесь почти нет детей.

Я сбрасываю сандалии, устраиваюсь на шезлонге и вытягиваю ноги. Софи ложится рядом, надевает солнцезащитные

очки и жестом подзывает официанта.

Через несколько минут перед нами появляются два коктейля со льдом и ломтиками ананаса.

Я делаю первый глоток и довольно вздыхаю.

— М-м-м. Вот теперь жизнь начинает налаживаться.

— Ты говоришь это каждый раз, когда получаешь еду или напитки.

— Потому что именно в такие моменты человечество достигает вершины своего развития.

Софи смеётся и поворачивается ко мне на бок.

— Итак, какие у нас планы на ближайшие недели? Кроме попытки сбежать из страны до первого сентября.

Я приподнимаюсь на локтях, глядя на бирюзовую воду.

— Во-первых, я собираюсь наслаждаться свободой, пока мой отец не решил ограничить её окончательно. Во-вторых, мы летим в Майами. В-третьих, я нахожу себе богатого, красивого и невероятно привлекательного парня.

— А четвёртый пункт?

— Мы расстаёмся, потому что он оказывается ужасным человеком, и я возвращаюсь к пункту первому.

— Очень зрелый план.

— Спасибо. Я долго над ним работала.

Я закрываю глаза, подставляя лицо солнцу.

— Представляешь, как будет хорошо в Майами? — мечтательно произношу я. — Я лежу на пляже, смотрю на Атлантический океан, пью коктейль, а потом решаю искупать-

ся. Захожу в воду, отплываю подальше, начинаю тонуть…

— Почему ты обязательно должна тонуть?

— Не перебивай. Это важная часть истории. И тут появляется накаченный красавчик-спасатель в красных плавках. Он подхватывает меня на руки, выносит на берег, делает искусственное дыхание, а я открываю глаза и понимаю, что влюбилась.

Софи медленно снимает очки и начинает смеяться так громко, что несколько человек на соседних шезлонгах оборачиваются. Я подхватываю её смех, едва не расплёскивая коктейль.

В этот момент мимо наших шезлонгов проходит парень. Я замечаю его краем глаза: тёмные волосы, широкие плечи и уверенная походка. На нём чёрные солнцезащитные очки, простые чёрные шорты и белая футболка, но даже в таком виде он выглядит так, словно привык привлекать внимание, где бы ни появился.

Он проходит ещё несколько шагов, затем поворачивает голову на наш смех.

И задерживает взгляд.

— Ого, — тихо произносит Софи, приподнимаясь на локтях. — Ты только посмотри, какой красавчик.

Я лениво поворачиваю голову. Ничего особенного.

— И что? — спрашиваю я, снова устраиваясь на спине. — Обычный парень.

— Обычный? Рейвен, у тебя явно проблемы со зрением.

— Возможно. Зато у меня прекрасный вкус.

— Судя по твоим предпочтениям, я бы поспорила.

Я уже собираюсь ответить, когда слышу мужской голос совсем рядом:

— Подожди-ка. А я тебя помню.

Я открываю глаза.

Парень остановился возле наших шезлонгов и теперь смотрит прямо на меня. На его губах играет самодовольная улыбка, которую хочется стереть чем-нибудь тяжёлым.

— Девушка с джином, — продолжает парень, словно только что раскрыл величайшую тайну человечества. — Надо же. А я думал, ты растворилась вместе со своей бутылкой.

Софи резко поворачивает голову ко мне.

— Девушка с чем?

— Ни с чем, — отрезаю я, не сводя взгляда с незнакомца.

Он усмехается.

— А сегодня ты, смотрю, решила сменить образ. Вчера была королевой свадебного траура, а сегодня пляжная русалка? Быстро ты восстанавливаешься.

Я медленно приподнимаюсь на шезлонге.

— А ты всегда пристаёшь к незнакомым девушкам или мне выпала особая честь?

— Только к тем, которые посылают меня к чёрту.

— Могу повторить. И на этот раз постараюсь смотреть прямо в глаза.

Его улыбка становится шире. Он переводит взгляд на Со-

фи, которая наблюдает за нами с нескрываемым интересом.

— И как ты с ей общаешься?

— На самом деле она классная, — невозмутимо отвечает Софи. — Лучшая из лучших.

— Пока, — подчёркиваю я.

Парень снова смотрит на меня, будто пытается решить, стоит ли продолжать разговор. Судя по выражению его лица, решение уже принято.

— Увидимся, похоронное бюро.

— Что?! Не дождёшься.

Он разворачивается и спокойно уходит, словно не сомневается, что последнее слово осталось за ним. Я провожаю его взглядом, а затем снова откидываюсь на шезлонг.

— Рейвен, — медленно произносит Софи, поворачиваясь ко мне всем корпусом. — Кто это был?

Я закрываю глаза и делаю большой глоток коктейля.

— Не знаю. Видимо с ним я вчера столкнулась при выходе из дома, где проходила свадьба, и послала к чёрту.

Софи несколько секунд молчит. А потом начинает смеяться.

— Ты серьёзно?!

— Абсолютно.

— Ты послала к чёрту такого красавчика и даже не запомнила его лицо?

— Софи, у меня вчера были проблемы посерьёзнее, чем внешность случайных парней.

— А теперь?

Я приоткрываю один глаз.

— А теперь я хочу, чтобы он исчез с этого пляжа.

Софи снова смеётся, а я натягиваю солнцезащитные очки и демонстративно отворачиваюсь к океану.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.